

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Кирилл Мамонтов

Хроножорректоры

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М22

Мамонтов К.

М22 Хронокорректоры: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 344 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1196-2

Чтобы спасти будущее, придется изменить прошлое. Чтобы отменить катастрофическую войну «за русское наследство» в начале двадцать четвертого века, нужно отменить Гражданскую войну в России в веке двадцатом. Выполнить это задание должны инженер из 2010 года и физик из 1981-го, давно страдающие навязчивой идеей оптимизировать отечественную историю.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1196-2

© Кирилл Мамонтов, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

Мирный патриархальный город

Окруженный зоной свернутого пространства катер снизился в предрассветных сумерках, оставаясь невидимым для аборигенов. Карло выпрыгнул из люка, помахал рукой самому себе и сидевшей рядом Рагнаре, после чего сделал несколько шагов вдоль парковой аллеи. Люк затянулся, и только слабая воздушная волна подсказала, что машина набрала высоту.

Карло вел «оборотня» по темному парку, испытывая сильнейшее волнение, словно сам очутился в пугающем чужом мире. Похожий всплеск эмоций он переживал во время первой высадки на планеты Капеллы. Но там было иначе, а теперь он работает на Земле, которую совсем не знает, и выполняет миссию запредельной ответственности.

Несмотря на раннее утро, зеленое пятно в центре будущего мегаполиса не было безлюдным. Карло видел спящего на скамейке человека в рваном пиджаке, чуть дальше мрачный бородатый старик размахивал длинной палкой. «Помело», — подсказала встроенная память, и Карло понял: «Дворник».

— Позвольте вас приветствовать, — произнес он заученную формулу. — Будьте любезны, подскажите, в каком направлении расположен выход на городскую территорию.

— Спозаранок нажрался. — Загадочная реплика безусловно не содержала ответа на заданный вопрос, но была произнесена с несомненной завистью. — Вон там ворота.

Дворник указал рукоятью помела куда-то вбок. Поблагодарив, Карло нашел аллею, ведущую в указанную сторону, и вскоре, обогнув фонтан, действительно вышел к чугунным воротам. Мимо него, позванивая сигнализацией, прокатился транспортный агрегат, сочлененный из двух вагонов. Судя по токосъемнику на крыше и отсутствию запаха сгорев-

ших углеводородов, это был трамвай или троллейбус. Впрочем, устройства с двигателями внутреннего сгорания тоже изредка передвигались, громко тарая, по узкой улице.

Перед воротами парка работали примитивные осветительные устройства, размещенные на столбах. Внимание космонавта привлек абориген, клеивший к деревянным стендам листы бумаги, покрытые типографскими значками. Очевидно, это были пресловутые газеты — статичные предшественницы интерактивных новостных лент. Согласно историческим хроникам, газеты погибли в начале следующего века, не выдержав конкуренции с архаичной компьютерной сетью.

Приблизившись, Карло с интересом изучил свежий номер газеты, не без претензий названной «Правда». Как и следовало ожидать, текст был набран и распечатан старинной кириллицей, плохо отформатирован, а графические вставки имели отвратительное разрешение. Тем не менее, Карло понял, что попал в начало осени, причем до мировой войны остается от двух до четырех лет — в зависимости от того, которая из дат, найденных в исторических материалах, ближе к истине.

В газете говорилось о происках империалистических варваров, не желающих создавать систему коллективной безопасности. Команда ЦДКА сыграла вничью с «Динамо», самый лучший в мире самолет совершил рекордный перелет поперек Евразии, шахтеры Донбасса тоже поставили какой-то рекорд. Смысл большинства слов был понятен, однако полной картины не получилось. Немного добрых эмоций вызвал плохо напечатанный, но вполне остроумный шахматный этюд. Подумав недолго, Карло решил задачку и ностальгически заулыбался.

— Не отвлекайся, — нервно потребовала Рагнара. — Аборигены обращают на тебя внимание.

Отключив соединение с «оборотнем», Карло предположил:

— Выбранная нами одежда не гармонирует с местной модой.

— Поменяй дизайн!

— Вокруг слишком много аборигенов. Внезапное изменение внешнего вида может смутить примитивных людей.

Судя по карте, цель находилась на северо-востоке, и Карло направил зонд вдоль набережной. Хотя жили предки в полном варварстве, движение по городу организовали с умеренным рационализмом. Для транспортных средств была выделена лишь средняя часть улицы. Именно здесь были проложены рельсы, и над отведенной в распоряжение машин полосой раскинулась паутина электрических проводов. По краям улицы, примыкая к стенам домов, тянулась пешеходная дорожка, вроде широкой ступеньки, приподнятой над автомобильно-трамвайной дорогой.

В местах, где пересекались улицы, нередко стояли люди в униформе: белый китель, перетянутый сложной системой ремней, белая каска с козырьком, широкие синие штаны, заправленные в черные сапоги. Эти люди свистели в короткую черную трубку и виртуозно размахивали полосатой черно-белой палкой. Присмотревшись, оператор зонда пришел к заключению, что люди в униформе управляют транспортными потоками. Необходимость использования человека для исполнения подобных функций вызвала сомнения, поскольку нередко на тех же перекрестках были установлены световые плафоны. Вероятно, не все аборигены понимали простые красно-желто-зеленые сигналы либо не желали подчиняться сигналам в знак протеста против вторжения машинерии в общественную жизнь. Ничем иным не получалось объяснить присутствие военизированных стражей порядка. Базы данных подсказали, что полицейские во многих странах были вооружены.

В самом деле, сбоку на ремне висел футляр для древнего оружия — несмотря на сходство формы, Карло был уверен, что в футляре находится не бластер. Сканер «оборотня» обследовал оружие, подтвердив догадку оператора — полицейский был вооружен устройством, которое могло с дозвуковой скоростью метать на небольшое расстояние крохотные кусочки металла.

Карло невольно улыбнулся. Слабость оружия делала город мирным или, по крайней мере, не опасным. Он прибавил шагу, пересек улицу, мимоходом прочитав на прикрепленной к стене углового дома табличке название: Крымский Вал. Через несколько шагов Карло выяснил, что зонд идет по Крымской набережной.

Потеряв осторожность, он забыл, что беззаботная мимика оператора передается «оборотню», который в данный момент точно копировал его, Карло, внешность. На спутниках Урана или на Джулии это не имело бы значения, но в условиях обитаемой планеты любая ошибка вела к осложнениям. Старая женщина, державшая в руках большую плетеную корзину, тоже улыбнулась и неожиданно заговорила с зондом:

— Первый раз в Москве, наверное?

— Да, матушка, впервые здесь нахожусь, — после заминки неуверенно ответил Карло.

Спикер «оборотня» передал его голос, и женщина сказала доброжелательно:

— У вас там, наверное, жарко? Вы в горах живете или в пустыне?

Растерявшись, Карло снова замешкался, но дама словно и не нуждалась в его ответах, продолжила допрос. Женщину почему-то интересовали цены на сельскохозяйственные товары в непонятных местах, откуда, по ее мнению, приехал в столицу зонд активной разведки типа «Оборотень-Тайфун». Она также посоветовала гостю столицы побывать в заведениях под названием «выставка» и «метро», потом спросила, каким промыслом занят гость.

— Рыболовством увлекаюсь, — произнес Карло, подозревая, что допускает ошибку.

Удивленно поглядев на зонд, женщина поведала, что сын ее работает на консервном заводе в Астрахани.

— Он еще учится на рабфаке, — гордо сказала она. — Инженером станет через три года, если меньше будет по девкам мотаться. Он у меня парень...

Оборвав фразу на полуслове, женщина бросилась к остановившемуся рядом автобусу, растолкала сограждан и протиснулась в салон. Повторяя движения Карло, зонд помахал рукой уходящему транспортному агрегату. Люди далекого прошлого казались простыми и простодушными, а сам этот город выглядел милым патриархальным поселением.

Спустя полчаса в лабиринте переулков «оборотня» окружили три предка мужского пола. Взгляды парней сразу не

понравились Карло — ему приходилось видеть подобный прищур, не суливший добрых последствий.

— Не спеши, басмач, — сказал небритый мужчина, лениво жевавший бумажную трубку, внутри которой дымился табак. — Холодно становится, мне бы твой халат пригодился.

Неприятное лицо говорившего украшали шрамы, будто острый предмет разрезал его крест-накрест, а затем врачи не провели регенерацию. Крепко взяв «оборотня» обеими руками за воротник, абориген сильно дернул. Разумеется, снять халат не удалось — одежда представляла собой часть зонда.

— Не снимается, — прокомментировал Карло, пытаясь понять, какую форму может принять этот инцидент. — Расступитесь, пожалуйста, и будьте любезны освободить пространство для моего прохождения.

За спиной загоготали два хриплых голоса. Нечто похожее случилось в университетском кампусе, и Карло вдруг понял, что даже в милом патриархальном обществе встречаются преступники. Только теперь он был не студентом, не смеющим ответить обнаглевшим бандитам. Никто не станет бить его лицом об дерево, никто не отчислит из храма науки за недостойно-грубое поведение, полицейские не кинут в камеру за нападение на троих прохожих, которые дадут согласованные показания. И вообще он находится в световой миллисекунде от места действия, а зонду приходилось умирять хищников и пострашнее.

— Мужики, он не басмач, мать его!.. — озлобленно завизжал бандит, выплюнув бумажную трубку. — Это Джульбарс какой-то! Щас я с него шкуру срежу...

Обратная связь подсказала, что кто-то из зашедших со спины ударил «оборотня» в область шеи тяжелым металлическим предметом. Одновременно человек со шрамами выхватил острый — тоже металлический — предмет и ловко воцарил в грудь зонда. Клинок с натугой вошел в плотную массу наночастиц, не причинив разведчику планет заметных повреждений.

Наступал миг расплаты за прошлые унижения. В трех бандитах воплотились все бывшие враги — от подростков, колотивших маленького Карло за понравившуюся им игрушку или чтобы покрасоваться перед красивой девочкой, до профессоров и менеджеров, присваивавших его работы.

Повинуясь мысленным командам оператора, зонд ударил ногой назад, сломав колено бандиту, повторно заносившему обрезок трубы. Затем он боднул в переносицу гангстера со шрамами и одновременно, вывернув правую руку, воткнул сложенные «клювом» пальцы в горло третьего нападавшего. Двое за спиной, получив тяжелые травмы, потеряли мобильность, и Карло занялся вожаком банды.

Гангстер попытался еще раз применить острое лезвие, но зонд легко перехватил и сломал руку с оружием. Правонарушитель истерично заверещал:

— Ну погоди, гад, я тебя еще поймаю и выпотрошу!

Угроза рассмешила Карло, и зонд повторил мимику оператора, засмеявшись прямо в перекошенное лицо раненого бандита. Затем, отводя душу, Карло сжал удлинившимися пальцами «оборотня» затылок противника и несколько раз ударил об каменную стену ближайшего строения, ломая кости передней части черепа.

Где-то поблизости раздался женский визг:

— Ой, батюшки, что делается! Помогите, Федьку Креста бьют!

Визуальные сенсоры показали собиравшихся зрителей. Отбросив изувеченного хрипящего Федьку со шрамами, зонд одним прыжком преодолел десяток метров, упав на спину пытавшегося спастись бандита. Тот упорно полз, волоча перебитую ногу, но не выпускал из рук ржавую трубу.

— Как это неэтично — нападать со спины без предупреждения, — назидательно произнес Карло.

— Не тронь меня, — потребовал гангстер и без паузы неуместно пригрозил, замахиваясь трубой: — Поймаю — убью.

Через мгновение труба выпала из переломанной в двух местах руки. Следующий — в четверть силы — удар «оборотня» раздробил аборигену ребра правого бока. Третьего бандита Карло добивать не стал: сканер показывал, что тот уже мертв.

Собравшиеся жители древнего города возбужденно выкрикивали угрозы. Из этой мешанины модулированных звуков Карло сделал вывод, что пресловутый Федька пользовался в своем квартале определенной популярностью. Невнятные голоса требовали побить «душегуба», однако перейти от слов к делу никто не спешил. Вызывать полицию аборигены

также не стали. Криминальный квартал, понял Карло, здесь тоже встречаются такие гнойники. Похоже, напрасно идеализировал он патриархальность города, которому предстояло стать мегаполисом.

Выбравшись из скопления лачуг, «оборотень» вышел на сравнительно широкую улицу. Здесь было много торговых объектов, по булыжной мостовой разъезжали конные упряжки, на стенной табличке Карло прочитал название: Полянка.

Повертев головой, он обнаружил поблизости мост, за которым были видны башни кирпичной крепости. Лучи восходящего солнца подсвечивали красные звезды на башнях. Это и была цель его путешествия — резиденция местных правителей.

С моста, по которому двигался зонд, открывался весьма эстетичный обзор речки, протекавшей по центру столицы. Безусловно, эта струя воды не могла сравниться с одетыми в оранжевый пенобетон набережными Амазонки, а тем более с могучим потоком, обнаруженным их экспедицией на дикой планете Ромео. Тем не менее, выглядели эти каменные берега вполне симпатично. По реке сновали весельные лодки, моторный кораблик тащил вверх по течению грузовую баржу.

Досадуя, что отвлекся на ерунду, оператор увеличил скорость «оборотня». Аборигены по-прежнему почти не обращали внимания на зонд, лишь редкие прохожие провожали взглядами бегущего коротышку в полосатом халате.

Оказавшись перед стеной, Карло в который уж раз мысленно возмущался беспечностью оставшихся на звездолете стратегов. Наивные технари, не понимавшие менталитет людей прошлого, искренне полагали, что войти в крепость будет легко и просто. Вопреки их ожиданиям ворота в стене были не просто заперты, но вдобавок охранялись вооруженными стражниками. Предложение трансформировать «оборотня» в птицу и перелететь над стеной мозговой центр отклонил из тех же соображений: не стоит травмировать психику предков.

— Применим эмпатизатор, — решила наконец Альтаира.

Между тем к воротам подкатил грузовой автомобиль. Водитель показал охранникам бумагу, и те открыли ворота, пропуская транспортное средство. Обрадованный Лантаниум воскликнул:

— Видел?! Внуши солдатам, что ты показал им такую же бумагу.

Идея представлялась разумной, поэтому Карло без опаски направил зонд к воротам. Стражник, вооруженный неуклюжим длинноствольным устройством, окликнул его на расстоянии десятка шагов:

— Стой. Куда идешь?

— Мне надо туда. — Карло показал на стену рукой «оборотня». — Очень важное сообщение.

Эмпатизатор внушил аборигену, что зонд показывает ему точно такую же бумагу, которую недавно предъявлял водитель транспортного средства. Охранник прочитал внедренный в его сознание текст, однако поступил непредсказуемо. Сделав два шага назад, он засмеялся и произнес весело:

— И где же автомобиль грузовой с продовольствием?

— Ты должен пропустить меня, — настойчиво потребовал Карло, прибавив интенсивность излучения.

Солдат пошатнулся, выронил оружие, но по-прежнему преграждал «оборотню» путь. Попытка пройти мимо полубесчувственного стражника не удалась — из деревянного строения возле ворот выбежали еще несколько одетых в униформу предков. Все они окружили зонд, наводя стволы разных видов оружия.

Решение не применять силу оказалось правильным: задача проникновения на объект была решена. Охрана привела «оборотня» в каменное здание, находящееся внутри крепости. Окна помещения были защищены металлическими решетками, а на стенах висели большие листы бумаги. Карло с интересом изучал неровные строки и цветные картинки, призывавшие воинов быть бдительными, тренировать мускулатуру для пользы военного дела, изучать единственно верную политическую теорию.

Один из сидевших за столом воинов осведомился:

— Кто вы такой? Зачем пытались проникнуть в Кремль?

— Я не басмач, — на всякий случай предупредил Карло.

— Никто вас и не считает басмачом. — Воин засмеялся. — Черты вашего лица совершенно не азиатские, хотя одежду вы сняли с какого-то дехканина. Расслышали мои вопросы или повторить?

— Слышал. Весьма надеюсь, что вы сумеете понять величайшую значимость проблемы. Постарайтесь очень серьезно выслушать меня и передать своим правителям, что люди далекого будущего предупреждают о катастрофе...

Воин перебил его:

— Вы владеете гипнозом? Что вы пытались внушить часовому?

— Это не гипноз. — Карло терял терпение, но старался говорить спокойно. — Устройство, которое вы видите перед собой в человеческом облике, может излучать различные волны...

— Какое устройство?

Кажется, ему все-таки удалось заинтересовать воина древности. Закрепляя предполагаемый успех, оператор произвел несколько трансформаций. Сверкающая полированным металлом человекообразная фигура заставила предков вздрогнуть. Последующие превращения в разных животных также произвели серьезное впечатление.

Вернув зонду человеческую внешность, Карло преобразовал халат и прочую одежду в точную копию униформы собеседника. Один из охранников упал на колени и принялся выполнять религиозный ритуал, изображая движениями пальцев подобие креста на верхней части своего тела. Христианство здесь еще распространено, мысленно удивился Карло и сказал:

— Как нетрудно было убедиться, вы разговариваете не с живым человеком, а с искусственным продуктом высоких технологий. Поскольку подобные создания невозможны для уровня цивилизации современной планеты Земля, вы должны поверить, что встретили посланца из далекого будущего.

Сидевший за столом абориген медленно убрал оружие в футляр и, запинаясь, осведомился:

— Короче говоря, ты — машина из будущего? Машина времени?

Не вдаваясь в терминологические диспуты, Карло в сжатой форме рассказал о грядущей катастрофе и повторил требование организовать ему встречу с высокопоставленными чиновниками либо влиятельными представителями научной общественности. Воин закивал и пообещал доложить по инстанции.

— Я могу ждать сколько угодно, — сказал оператор. — Действуйте спокойно и рационально, без лишней спешки.

— Да-да, вам придется подождать, — подтвердил охранник. — Вас отведут в зал ожиданий.

Под прицелом нескольких длинноствольных метательных приспособлений воины проводили «оборотня» в тесное помещение с толстыми каменными стенами и прочной решеткой в единственном окне. Дверь, изготовленная из деревянных деталей, была снабжена примитивным замком — вероятно, все сооружение замышлялось как подобие полицейских камер для задержанных правонарушителей. Разумеется, зонд легко проложил бы себе путь фотонным лучом, но сейчас в этом не было необходимости.

Сняв контактный шлем, Карло произнес усталым голосом:

— Зонд может ждать и без меня. Предлагаю перекусить и отдохнуть.

— Отдыхай, — сухо разрешила Рагнара, хотя Карло не нуждался в ее согласии. — Я не голодна.

Регулярные перемены настроения давно вошли в привычку всего экипажа, но Рагнара стала невыносимой прежде остальных. Не обращая внимания на ее мимику и ворчание, Карло запрограммировал синтезатор и получил заказ из трех блюд. Он и в самом деле проголодался, но ел без аппетита. Перед внутренним взором упорно вставали пейзажи мертвых планет — ядовитые океаны и радиоактивные кратеры Тритона, Титании, Нереиды, Путаны... и Земли. Покрытые грязью скелеты миллиардов людей, которые не смогут переселиться на ждущие их континенты Ромео и Джулии. Горы пепла на месте мегаполисов. Жалкие племена мутантов среди развалин. Охваченные негаснущими пожарами нефтяные месторождения Антарктиды...

Он поговорил со звездолетом, но не услышал новых идей. Все тупо ждали результатов «оборотня». Карло проверил обстановку на планете. Зонд сидел на койке, не меняя позы, но успел просканировать крепость и обнаружил большое здание, где сходились провода электрической связи. Вероятно, там и работали руководители государства. Если ожидание затянется, надо будет направить «оборотня» в это место. Возможно, удастся переговорить с людьми, способными понять предупреждение из будущего.

К его удивлению, предки действовали быстро. В каменный отсек зашел пожилой человек в униформе, украшенной нарукавными звездами. Присев на деревянный стул без спинки, воин назвал себя оперуполномоченным и комиссаром оперативного отдела, после чего задал неожиданный вопрос:

— Какие мысли возникают у вас при упоминании грибовидного облака?

— Ядерный взрыв, — машинально ответил Карло.

Выглядевший ошарашенным предок долго молчал, потом выбежал из каменного склепа. Сканеры зонда засекали его разговор по электрической проводной связи. Воин со звездами на рукавах передал кому-то слова пришельца из будущего, получил неразборчивое распоряжение, затем вернулся и продолжил деловую беседу.

— Вы имели в виду взрыв ядерной энергии?

— Разумеется.

— Речь идет об энергии деления атомных ядер?

— Такие же столбы дыма и пыли возникают при взрыве на основе ядерного синтеза. При любых взрывах, приводящих к образованию плазменного шара.

Увлечшись объяснениями, Карло чуть не назвал другие реакции на более глубоких уровнях строения материи, но своевременно спохватился. Предки просто не могли знать о кварках, эльфах и других элементарных частицах.

— Допустим, — глубокомысленно процедил предок. — Катастрофа, про которую вы говорили начальнику караула, как-то связана с огненным шаром?

— Мы полагаем, что связана. По всей вероятности, было много таких огненных шаров. Посмотрите. — Карло включил проектор. — Так выглядел ваш город через три века. А те-

перь вы видите город спустя столетие. Мы не понимаем, что именно случилось, но...

Оператор на катере снова замолчал. В данный момент собеседник не способен был услышать его слова. Потрясенный оперуполномоченный, выпучив глаза, смотрел на яркие трехмерные изображения мегаполиса и городских руин.

— Что случилось? — прохрипел он, рванув воротник неудобной одежды. — Как... что вы сделали?

— Именно это я и пытаюсь вам объяснить. Постарайтесь найти человека, способного выслушать и понять рассказ о катастрофе.

Тяжело переводя дыхание, предок с трудом выговорил:

— Рассказывайте... мне... я передам...

— Не имеет смысла, — отрезал Карло. — Вы не способны запомнить слов, которые услышите. В крайнем случае, принесите звукозаписывающую машину или бумагу, на которой вы пишете.

Предок вышел, но вскоре вернулся с пачкой желтоватых прямоугольных листов. Рука зонда превратилась в печатающее устройство. «Оборотень» провел манипулятором по листу, и на бумаге появились четкие, отформатированные по обоим краям строчки текста, набранного доисторическим шрифтом «Гарамонд», 14-й кегль, через полтора интервала. Потребовалось не более двух минут, чтобы заполнить информацией девять страниц. Изложенных сведений предкам должно было хватить для общего понимания проблемы. Детали сообщим при второй встрече с вменяемыми чиновниками, если такие найдутся, подумал Карло.

У него возникла идея, показавшаяся полезной, но Лантаниум вдруг отдал приказ эвакуировать «оборотня» и возвращаться на борт.

Угрюмо рассматривая чекиста, вождь пустил облачко табачного дыма и переспросил:

— Во что превратился?

— Не могу объяснить, товарищ Сталин... — Голос оперативника нервно дрожал, словно бывалый сотрудник НКВД был готов забиться в истерику. — Вот он сидел передо мной, разговаривал... и вдруг как будто растаял... превратился в

дым — густой, но не черный, а разноцветный, вроде перламутра... а потом этот клуб раскрашенного газа превратился в струю, а струя выползла через решетку наружу...

Ворошилов, скептически слушавший показания напуганного и сбитого с толку оперуполномоченного, добавил:

— Красноармейцы, охранявшие комендатуру, подтверждают его рассказ. Что-то вроде длинной разноцветной змеи выскользнуло из окна, превратилось в маленький самолет и быстро улетело.

— Этих красноармейцев надо будет основательно допросить, — сказал Молотов и спросил чекиста: — Можете что-нибудь добавить?

— Никак нет, товарищ председатель Совнаркома. Я просто растерялся, ничего не соображал... — Он осведомился с надеждой в голосе: — Может быть, я сошел с ума?

— Это вряд ли. — Ворошилов засмеялся. — Не бывает такого, чтобы несколько человек одновременно свихнулись и видели одинаковые галлюцинации. Идите, товарищ комиссар, и помните, что никому об этом происшествии рассказывать нельзя.

Когда чекист вышел, закрыв за собой дверь кабинета, Сталин рассеянно пролистал оставленное зондом сообщение и заговорил:

— Итак, прояснилась загадка грибовидного облака. С другой стороны, этот гость из будущего не упомянул прошлогоднего предшественника. Странная, нелогичная легенда — экипаж межзвездного корабля посылает к нам машину, этакое робота, как писатели называют... Управляют машиной издали, из космического аппарата... Почему тот, которого послали прошлым летом, пришел сам, а этот побоялся, машину вместо себя отправил?

— Исчезли они тоже по-разному, — напомнил Ворошилов. — Тот просто невидимым стал, а потом будто порыв ветра ударил.

Молотов кивнул, соглашаясь с наркомом обороны, затем озабоченно произнес:

— Однако, товарищи, вещают они приблизительно похожие пророчества. Катастрофа в далеком будущем, страшная война совсем скоро... И виновато во всех бедах вроде бы наше государство. Провокацией попахивает.

Делая глубокие затяжки, Сталин дошел до стоявшего в углу книжного шкафа, хмуро посмотрел на книгу «Машина времени» с дарственной надписью автора, неторопливо вернулся к столу и сказал:

— Нельзя отмахиваться от предупреждений, пусть даже сомнительных. Эти люди пользуются научно-техническими достижениями, каких не может быть в нашем времени. Будем думать, как правильно воспользоваться полученными сведениями.

Вернувшиеся из рейда к Земле вошли в операционный зал, где их ждали четверо.

— Что за идиотская манера менять планы в момент, когда наметился успех? — раздраженно спросил Карло. — Что еще вы придумали?

— Остынь, — посоветовала Кориандра, хотя по рангу отвечать полагалось бы Лантаниуму. — Предки владеют информацией, которой у них быть не может. Они спросили тебя про грибовидное облако, которого никто из живущих в это время не мог видеть.

Темпераментно взмахнув обеими руками, Рагнара выкрикнула:

— Ядерные взрывы начались примерно в это время!

— Через десять лет, — уточнил Бартольд. — Если они знают о форме облака, то получить это знание могли только из будущего.

Вероятно, лицо Карло приобрело не самое умное выражение. Альтаира, астрофизик и планетолог экспедиции, произнесла с обидной ухмылкой:

— Пропуская ненужные логические выкладки, объясняя суть: их уже посещали гости из будущего, причем это были не мы. — Затем, опередив раскрывшую рот Рагнару, она добавила: — Не спрашивай, кто послал гонца предкам. Мы не знаем.

Завязалась обычная перебранка, которую Лантаниум прервал сердитым окриком:

— Довольно самостоятельности! Мы возвращаемся во время, когда катастрофа еще не случилась.

— Мы обсуждали твою идею, — насмешливо сказала Кориандра. — И решили...

— Ваше решение было неправильным, — объявил начальник экспедиции. — Бартольд, старт.

Человек, сидевший у пульта Машины, нажал кнопки прежде, чем остальные успели начать очередную безрезультатную дискуссию. Накатили ставшие привычными ощущения легкой тошноты и потери ориентации — не сексуальной, но пространственной.

— Куда ты забросил нас, придурок? — осведомилась разъяренная Кориандра.

— Как и договаривались, полвека до катастрофы, — равнодушно поведал Бартольд, люто не переносивший ее выходки. — Вполне хватит времени, чтобы предупредить предков и принять меры... О дьявол!

Каменный шар, безусловно, когда-то был Землей. На сей факт указывали контуры океанических впадин. Однако теперь у планеты не было ни атмосферы, ни водной оболочки. Земля, на которую они попали, была еще более мертвой, чем та планета, которую они обнаружили, вернувшись из экспедиции на Капеллу.

После традиционных истерик и взаимных обвинений Карло привел двух «оборотней», которые скрутили и заперли в каютах самых невменяемых. В операционном зале кроме оператора зондов остались только Лантаниум и Альтаира.

— Неужели наше вмешательство так сильно изменило историю? — убитым голосом завыл Карло, залпом опрокинув стакан бренди.

— Успокойся, — брезгливо приказала Альтаира. — Бартольд выбыл надолго, но я запустила его знаменитые программы. Мы ни при чем, причина все та же. Похоже, кто-то другой пытается изменить историю. Их вмешательство приблизило катастрофу.

— Больше чем на полвека, — уточнил Лантаниум. — Это те придурки, которые прибыли раньше нас и проболтались о грибовидных облаках... Карло, тебе придется повторить попытку на более ранних точках оси времени.

— Бесплезно даже стараться... — Оператор помотал головой. — Мы не понимаем их, мы ничего не знаем и не сможем действовать рационально.

Короткую паузу прервала Альтаира. Врожденная способность к интригам странным образом помогала ей выдавать умные решения в сложных ситуациях. Однако на этот раз замысел Альтаиры смутил даже привычных к ее планам коллег.

— Если мы не можем договориться с людьми, жившими за четыреста лет до нашего времени... — Альтаира широко и приветливо улыбалась, что было недобрым признаком. — Пусть в прошлое отправится человек, родившийся на триста лет раньше меня. Ему будет легче договориться с варварами.

Потребовалось усилие, но мужчины оценили красоту идеи. На обсуждение деталей ушло не слишком много времени. Оставалось дожидаться, когда успокоится Бартольд.

Ночью, на койке, поглаживая теряющую упругость грудь Альтаиры, Карло спросил, собирается ли она предупредить агента-предка, что где-то в прошлом работают другие существа, пытающиеся изменить историю. Альтаира сонно буркнула в ответ: дескать, не стоит понапрасну пугать агента. Тем более что пресловутого агента надо еще найти и хоть как-то подготовить к миссии. Если предок будет знать слишком много, то испугается и наделает глупостей.

ГЛАВА 2

Морская гвардия великой революции

В середине ноября на Балтике холодно и ветрено. От сырой стужи плохо защищали даже надетые под хилый ватник теплое белье и шерстяной свитер. Точнее, не свитер, а фуфайка. Вдобавок легкий катер мерзко раскачивался, повинувшись волнам и ветру. Бывалые моряки насмешливо посматривали на позеленевшего сухопутного новичка и громко вспоминали веселые примеры, как салаги блевали за борт, а то и прямо в кубрике.

Мучительность путешествия имела лишь одну положительную сторону: никто не приставал с расспросами. В таком состоянии Рома просто не способен был изложить подготовленную легенду, и бдительные борцы за революцию запросто разоблачили бы классово чуждого контрика.

Впрочем, нашелся среди братьвы мягкосердечный ветеран. Добродушно прикрикнув на веселящуюся молодежь, поседевший бородач угостил Романа кислой капустой. Морская болезнь и вправду малость отступила, к тому же катер стало качать заметно слабее — наверное, остров прикрыл суденышко от ветра.

— Полегче стало, студент? — по-прежнему дружелюбно поинтересовался старый моряк. — По какой нужде в Кронштадт занесло?

— Дохтур, наверное, — предположил матрос помоложе. — Смотри, какие руки чистые, без мозолей. Ты как, дохтур, триппер лечить можешь?

На всякий случай — вдруг парень и вправду венерический — отодвинувшись от любознательного балтийца, Роман отправил в рот новую порцию капусты и пробормотал:

— Да нет, мужики, какой из меня доктор. Журналист я...

Не дожидаясь наводящих вопросов и симулируя слабость от приступа морской болезни, он поведал зазубренную биографию. Дескать, учился в Московском университете на филолога, водил знакомство с большевиками и левыми эсерами, писал листовки против самодержавия, прятал дома оружие. Весной четырнадцатого, когда провокатор охраны выдал их группу, получил пять лет ссылки в Туркестане, в Самарканде работал учителем и писал статейки в местные газеты. После Февраля вернулся в Москву, подвизался в разных газетенках, между делом отучился в школе прапорщиков, после Октября познакомился с балтийскими моряками, усмирявшими мятеж юнкеров, и решил записаться бойцом Красного революционного флота. Когда он рассказал, как профессор-астроном рассчитал правильные данные для пушечной стрельбы по Кремлю, матросы неожиданно закивали — оказывается, многие знали про этот эпизод московских событий.

Следующие полчаса Роман сыпал цитатами из ленинских статей, которые в студенческие годы конспектировал для семинаров по истории КПСС. Кажется, он сумел произвести на аудиторию неизгладимое впечатление, подробно разъяснив суть лозунгов о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством, о Республике Советов как высшей форме народной

власти, а также о диктатуре пролетариата как промежуточном периоде при переходе от социализма к коммунизму.

К концу путешествия вокруг него собрался небольшой кружок заинтересованных слушателей. Молодой — наверное, ровесник Ромы — парень в бушлате с кобурой на боку азартно спросил:

— А ты скажи, если так хорошо разбираешься... Ведь товарищ Карл Маркс точно говорил, что социалистическая революция должна произойти одновременно в нескольких самых развитых странах. Как же получилось, что... — Он замылся, видимо не сумев озвучить почти крамольные сомнения.

— Понял, товарищ, — засмеялся Роман. — Маркс написал об этом полвека назад, но с тех пор многое в мире изменилось. Как доказал Владимир Ильич Ленин в своей гениальной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», к началу нынешнего столетия капитализм вступил в последнюю стадию...

Он упомянул неравномерность развития загнивающего капитализма и ленинскую статью «О лозунге Соединенных Штатов Европы», где было сказано, что социалистическая революция не обязательно произойдет одновременно во всем мире, как полагал Карл Маркс, но может вначале произойти в одной, отдельно взятой стране. Затем победивший пролетариат поможет братьям по классу совершить революции в других странах. Роман также напомнил про выступление на Шестом съезде партии товарища Сталина, сказавшего, что именно Россия станет той первой, отдельно взятой страной.

— Лихо ты чешешь, — немного растерянно выдохнул парень с кобурой. — Наверде как много знаешь. Я бы так не смог.

Старый моряк, угощавший Рому капустой, хохотнул и, поглаживая седеющую бороду, проговорил с нескрываемой подначкой в голосе:

— Учись, комиссар. Вот настоящий грамотный человек. Не то что ты, деревня заволжская... — Все так же весело матрос обратился к Роману: — Революция — это ладно, царя и буржуев мы уже послали по матушке куда подальше. А что ваш брат большевик про войну думает?

Братва оживленно зашумела — безусловно, вопрос заделвал всех за живое. Послышались голоса: дескать, хватай винтовки — и айда в деревню землю делить. Другие говорили: мол, надо фронт держать, а не то немцы разгонят мужиков окопных и всех перевешают. Кто-то напомнил, что те же большевики три года агитировали против войны и за поражение России. При этом все нетерпеливо смотрели на Рому, словно ждали от случайного знакомого вселенских откровений.

Проблема и в самом деле была непростой. В благополучном будущем, отделенном от революции многими десятилетиями, Роману порой казалось, что Ленин малость перегнул палку. Желать поражения своей, пусть даже с поганой властью, стране — это перебор. С другой стороны, в конце семидесятых тоже начались разговорчики: дескать, проиграть бы какую-нибудь войну, тогда легче будет погнать на хрен старикашек из Политбюро. Впрочем, недавно начавшаяся война в Афганистане явно не грозила поражением...

— Все просто, товарищи, — с воодушевлением провозгласил он, отбросив сомнения. — Большевики выступали против грабительской несправедливой войны, когда угнетатели заставляли трудящихся погибать за интересы заморского капитала. Теперь же наша задача — защитить завоевания революции, защитить народную власть пролетарской диктатуры, отразить натиск иностранных интервентов и внутренней контрреволюции...

— Офицеров перевешать! — подхватил парень, интересовавшийся лечением триппера. — И наших, и германских. А потом пойдем на дредноутах в Англию и всех тамошних офицеров на осинах вздернем! И всех образованных тоже на осину!

— Эх, Саня, дракун ты безголовый, — сердито повысил голос седой ветеран. — Балаболишь своим помелом, не подумавши. Офицеры, они разные. Вот сынок мой Коленька реальное училище закончил, в поручики выбился, теперь у большевиков отрядом командует. Его тоже повесишь, как офицера и вдобавок образованного?

— Ну что ты, Батя. — Саня заерзал. — Твой сынок, он наш, его-то казнить не за что.

Не будут разбираться такие, как ты, неприязненно подумал Роман и насмешливо сказал:

— И кто твой триппер лечить будет, если образованных перебьем?

Вокруг оглушительно заржали. Продолжению политической дискуссии помешал толчок — паровой катер причалил к пирсу Кронштадтского военного порта.

На трапе Саня догнал Романа, буркнув обиженно:

— Ты того, братишка, не думай... Нет у меня дурной болезни. Я просто интересовался... мало ли, вдруг сгодишься.

— Может, и сгожусь, если не повесят, — засмеялся Роман. — А скажи, братишка, за что тебя драконом прозвали?

— Драконом? — удивился матрос и жизнерадостно расхохотался. — Не дракон, а Дракун. Кликуха у меня такая. Был у нас на «Славе» хороший моряк Афанасий Трофимыч, из поморов. Он меня Дракуном прозвал, по-ихнему это значит парень, который подраться не дурак.

Роман уже заметил, что на ленточках бескозырок его случайных знакомых написано «Слава». Судьбу этого броненосца он знал, поэтому спросил машинально:

— Афанасий Трофимыч небось в Моонзунде погиб?

— Точно так, — подтвердил Саня-Дракун, покачивая головой. — Жаль старика, справедливый был боцман. Они с Иваном Савельичем, Батей нашим, вместе много лет служили, из Цусимы вырвались, а тут... Лежит на дне вместе с кораблем.

Молодой матрос опустил голову, и Рома, не найдя слов утешения, ободряюще хлопнул парня по чугунной крепости плечу. Саня тоже пихнул «журналиста», да так основательно, что Роман покачнулся, хотя был намного крупнее и тяжелее собеседника. Моряки, они люди сильные и здоровые, не чета работникам умственного труда.

Вечерело, надо было отправляться в ревком, но заходящее солнце сквозь разрывы в облаках осветило стоящие на рейде корабли. Роман, давно «заболевший» флотом, залюбовался стальными махинами, о которых столько читал. Вот они, корабли Балтики, причем не на тусклых старинных фотографиях, а во всей своей металлической реальности.

После двух неудачных войн Балтфлот сохранил солидные силы, хотя по боевой мощи русские линкоры уступали зарубежным собратьям. Примерно так же советские телевизоры лишь размерами могли сравниться с японскими «панасониками» или немецкими «грюндиками».

Прямо напротив Романа стоял на якоре «Цесаревич», сошедший со стапелей французской фирмы накануне японской войны. По тому же проекту на питерских заводах были построены еще пять броненосцев. Три из них — «Генералиссимус князь Суворов», «Император Александр III» и «Бородино» — остались на дне Корейского пролива на траверсе острова Цусима, «Орел» был захвачен противником и теперь носил самурайское имя «Ивами». Последний в серии броненосец «Слава» в недавних боях получил тяжелые повреждения и был затоплен своей командой в узком проливе, перегородив германцам путь на Петроград.

Хорошие были корабли, крепкие, выдержали длительную бомбардировку превосходящего врага. Только еще в проект они были заложены, уступая броненосцам, которые японцы заказали английским фирмам. «Микаса», «Асахи» и остальные броненосцы противника имели больше пушек, да и скорострельность у тех пушек была выше, и дальнобойность, и снаряды оказались лучше.

Чуть дальше за «Цесаревичем», которого после революции переименовали в «Гражданина», проглядывали сквозь тьму силуэты разной мелочи. Главные силы флота стояли в порту Хельсинки, называемого в это время Гельсингфорсом. Именно там базировались «Павел I» (ныне «Республика») и «Андрей Первозванный». Оба построены с учетом цусимского опыта, броня стала толще, слегка выросло водоизмещение, шестидюймовые пушки среднего калибра заменены восьмидюймовыми, новые механизмы позволяли стрелять чаще и точнее. Цены бы не было таким броненосцам в Порт-Артуре или Цусиме, но вступили они в строй уже после той войны, когда англичане построили свой «Дредноут», давший название новому классу линейных кораблей.

Там же, в передовой базе флота, должны стоять и четыре русских дредноута. На каждом разместились в трехорудийных башнях по двенадцать длинноствольных пушек главного калибра в 12 дюймов, броня закрывает весь борт, а не то-

лько ватерлинию. Турбинные двигатели разгоняют корабль до скорости, которая в цусимские времена была доступна лишь крейсерам. Но и здесь Россия опоздала — пока проектировали и строили дредноуты, другие страны ввели в строй сверхдредноуты, вооруженные орудиями калибра больше 13 с половиной дюймов.

Такова жизнь — отстающих наказывают. Причем очень больно.

Перед мировой войной на стапелях Балтики строились четыре самых больших в мире корабля — линейные крейсера «Измаил», «Бородино», «Гангут» и «Полтава». Война затормозила, а революция и вовсе прекратила работы на русских сверхдредноутах. Гиганты в 30 килотонн водоизмещением с дюжиной 14-дюймовых пушек будут ржаветь на заводах еще несколько лет, после чего новая власть продаст стальные корпуса на металлолом.

Если, конечно, история не изменится. Роман прогнал пустую надежду. Он был послан в прошлое, чтобы изменить историю, но на судьбу линейных крейсеров типа «Измаил» его миссия никак не повлияет.

Потуже замотав шею шарфом, он зашагал к выходу из порта. Маршрут он зазубрил и несколько раз прошел пешком, хоть и в другое время. Сначала по Макаровской улице, свернуть на Красную, миновать Якорную площадь, перейти Обводный канал, а там уже Большая Екатерининская. Сразу после красного здания Школы Оружия он увидит Морское Собрание... Если, конечно, патруль не задержит.

Однако не успел Рома пройти десятка шагов, кто-то схватил его за рукав телогрейки.

— Здесь он, товарищ комиссар!

Как и следовало ожидать, голос принадлежал неугомонно-буйному Сане-Дракуну. Роман похолодел, предчувствуя мелкие неприятности вроде проверки документов с последующим расстрелом на месте.

Быстрой, вразвалочку, походкой к ним приблизился уже знакомый молодой комиссар.

— Давай знакомиться, товарищ, — сказал он как будто доброжелательно, протягивая руку. — Матвей Рысаков, комиссар седьмого батальона. Большевик с пятнадцатого года.

Ответив на чересчур крепкое рукопожатие, Рома прокашлялся и сказал чистую правду:

— Роман Мамаев... доброволец.

— Это мы уже поняли, — засмеялся комиссар Рысаков. — Куда курс держишь?

— Думал — в бывшее Морское Собрание, там же сейчас комитет.

— Отстал, братишка, от жизни. — Комиссар снова засмеялся. — Комитет давно в дом военно-морского суда переехал. Да и не верится, что сможешь ты в потемках пройти мимо патрулей. Поехали, товарищ, запросто с нами.

Неподалеку чихал и кашлял жалкий с виду грузовичок. Отряд комиссара Рысакова в составе шести моряков и прикнувшего к ним добровольца Мамаева залез в кузов, и древний автомобиль, ужасно пованивая плохим бензином, завибрировал по ночному острову. Пользуясь удобным случаем, Роман стал расспрашивать о последних часах броненосца «Слава». Попутчики, помрачнев, рассказали о безжалостном обстреле германских дредноутов, о множестве разрушений, о гибели немалой части личного состава.

— Оно, само собой, в Цусиме броненосцам больше досталось, — справедливости ради признал Батя.

Моряки вспоминали, как покидали под огнем корабль, предварительно открыв кингстоны. С тех пор минуло полтора месяца, часть спасшихся моряков Центробалт распределил по другим экипажам, но отряд Рысакова оставался на берегу. Моряки со «Славы» с первого дня перешли на сторону революции, захватывали мосты в Питере, потом вошли без боя в Зимний дворец, арестовали нескольких министров-капиталистов и выпили прекрасное вино из дворцовых подвалов.

И через полвека будут ходить слухи: мол, никакого штурма Зимнего не было, а гарнизон просто разбежался. Собственно говоря, на это намекал и Джон Рид в «Десяти днях, которые потрясли мир». Но сейчас Роман услышал подтверждение, что называется, из первых то ли рук, то ли уст.

— Не спеши, товарищ Мамаев, — прервал комиссар поток его любопытства. — Успеешь о прошлом поговорить. За десять кабельтовых видно журналиста — сразу про самое интересное начал спрашивать.

— Привычка, — смущенно потупился Рома. — Очень хочется написать статью или даже книгу про ваши подвиги. Вот вы, Иван Савельевич, на каком корабле в Цусиме воевали?

— Был такой крейсер «Адмирал Нахимов». Слыхал?

— А как же! Четыре башни главного калибра.

— Ша, журналист! Потом интервью возьмешь. — Рысаков сурово повысил голос, перекрикивая визгливое тарыхтенное разболтанного мотора. — Ты говорил, что в школе прапорщиков учился. Стало быть, пехотное дело знаешь?

Основы военного дела Роман действительно изучал, но только в совсем другое время. Он умел разбирать автомат за четверть минуты, умел вести в атаку мотострелковый взвод, но в начале XX века от пехотного командира требовалось совсем другое. Трехлинейную винтовку он кое-как освоил, но правил штыкового боя практически не знал.

— Ну как вам сказать, — пробормотал Рома. — Не часто я на тех курсах появлялся. Там такой бардак был в августе и сентябре, не до учебы нам стало. Но несколько гранат и карабин кавалерийский я вынес из арсенала для нашей боевой дружины. В общем, не Суворов я, полком командовать не смогу.

— Полком и не надо. Есть у нас командиры, но все — из моряков. Будешь вроде советника по сухопутному бою. Идет?

— Так вы меня в батальон берете? — обрадовался Роман. — Конечно, идет! Судьба революции будет решаться, главным образом, на сухопутных фронтах. Именно вам, отрядам моряков, придется отражать натиск интервентов и контрреволюции.

Не без труда захлопнув на место отвисшую челюсть, комиссар объявил: дескать, отныне в батальоне есть толковый агитатор, и потребовал, чтобы товарищ Мамаев рассказал о битвах с интервентами перед всем личным составом.

Личного состава набралось около двух сотен. Батальоном командовал товарищ Ефим Петров, из матросов, беспартий-

ный, но толковый, если верить братве. Вроде бы он показал себя отличным комендором, в дни февральской смуты лично пристрелил какого-то адмирала и трех офицеров, отличился при штурме штаба флота. Поддерживать в подразделении дисциплину Петров явно не старался. Матросы слушали командира в сидячем, а то и лежачем положении, бродили по комнатам чуть ли не в исподнем. Команда комиссара Рысакова пришла в критический момент, когда назревала потасовка. Впрочем, обладавший зычным голосом и свирепым лицом Петров сумел прекратить ссору, грозившую перерасти в перестрелку.

— Братишки! — рявкнул командир, малость успокоив разбушевавшийся батальон. — Отважные борцы за революцию! Получен приказ — утром мы отправимся в Питер, а потом двинем на Могилев, где окопалась контра. Царские псы-генералы в Ставке собирают силы, чтобы в крови потопить свободный народ. Вот московские товарищи прислали нам пополнение в виде товарища Мамаева. Комиссар говорит, что парень хорошо понимает задачи революционного флота! Сейчас он объяснит, какие злые силы грозят нам и как с ними бороться.

— А чего там объяснять, — лениво сказал кто-то лежавший на диване. — Перебить всех к чертовой матери.

Остальные поддержали дельную мысль дружными неразборчивыми выкриками. Речам агитатора внимали не слишком внимательно, все переговаривались, время от времени матросы группами выходили из большого зала, где было устроено собрание. Роман охрип, пытаясь перекрыть шумную аудиторию. Рассказ о предстоящих боях с казаками, белой армией, чехословацким корпусом и английским десантом то и дело прерывался вопросами: когда, дескать, жратву принесут.

Жратву на самом деле принесли. Романа усадили за общий стол, накормили борщом и макаронами без мяса. С привычным образом революционных балтийцев совершенно не гармонировали гомерические количества спиртных напитков — от шампанского до самогона — и присутствие женского пола. Девицы и тетки пили наравне с матросами, жизнерадостно похабничали, умело матерились и строили планы, как будут убивать офицеров, когда ворвутся в Ставку.

После ужина братишки расползлись по комнатам, а Рома напомнил: дескать, хорошо бы по всем правилам записать его в моряки и выдать положенное снаряжение.

— Займись, Батя, — распорядился командир батальона и скрылся вместе с дородной сестрой милосердия.

Иван Савельич повел новобранца по лабиринту комнат, переживших изрядный разгром. Повсюду валялась поломанная мебель, битое стекло, горы рваной бумаги.

В каптерке Батя растолкал храпевшего писаря и велел выписать матросскую книжку. Пока сонный парень выводил каракули, цусимский ветеран отвел Романа в соседнюю комнату, где разместился вещевой склад.

— Держи тельник, вроде подойдет тебе, — ворчал старый моряк. — Высоченный ты, парень, таких раньше в гвардию зачисляли... штиблеты у тебя, как я посмотрю, крепкие, а всю рвань скидывай. Надо бы тебя в бане помыть, но сейчас времени нет.

— Я в городе помылся, — отмахнулся Рома, не уточняя, в каком именно городе он мылся несколько часов назад.

Натянув тельняшку поверх майки, он почувствовал себя настоящим моряком. Суконные штаны нужной длины оказались чересчур большого размера, пришлось подвязать шнурком. Рубаху, бушлат и форменку нашли без проблем. На черную бескозырку Батя приладил ленточку крейсера «Адмирал Макаров» — других не нашлось. Свои штаны и фуфайку он бросил во вместительный вещмешок.

— Парень, ты с какого года? — крикнул из коридора писарь.

— Тридцать один год, — машинально ответил Роман. — С восемьдесят шестого, значит.

— Сколько тебе стукнуло? — удивленно переспросил Иван Савельич. — Всего-то на три годка моложе меня, а выглядишь совсем молоденьким.

— Порода такая, — буркнул Роман, мысленно ругая себя за неосторожность. — Оружие где получать будем?

— Три шага дальше по коридору. Ты небось маузер захотишь? Нетути маузеров. Бери наган.

— Не, Батя, не люблю я револьверы. Неудобно их перезаряжать, да и цепляются, когда из кармана выхватываешь.

— Из кармана, говоришь... — Батя покачал головой. — Привыкли вы исподтишка стрелять, подпольщики хреновы... Ладно, смотри наш арсенал.

Оружейная комната бывшей Школы Оружия сразу понравилась красному революционному моряку Мамаеву. Красивого железа здесь имелось как бы не больше, чем в экспозиции Музея Вооруженных Сил. Револьверы системы Нагана, Кольта, Смита и Уэссона были беспорядочно свалены в двух ящиках. Отдельно на полках стояли коробки с патронами. Не без сожаления пройдя мимо стальных антикварных изделий, Рома чуть не схватил пистолет Браунинга — Кольта образца 1911 года. Благоразумие остановило его буквально в последний момент, напомнив о чудовищной отдаче 45-го калибра. Манлихеры, байарды, веблей-скотты и прочие зауэры тоже пришлось отвергнуть из-за незнакомой конструкции. В итоге, разворошив груды пистолетов, он выбрал себе браунинг калибра 9 мм, для которого имелось огромное количество патронов.

Снарядив три обоймы, он разместил в бездонном вещмешке несколько картонных пачек кубической формы — по двадцать пять патронов в каждой. От предложенных Батей гранат и карабина Роман, поразмыслив, отказался. Экипировку новобранца завершили дубленый полушубок и укороченные сапоги со шнуровкой. Матросская книжка была уже готова и украшена печатями Школы Оружия, а также — почему-то — миноносца «Украина». Своими штампами не обзавелись, как видно, ни ревком, ни тем более батальон.

Братва дружелюбно завалила его поучениями — как правильно раскleshить матросские штаны. Кто-то из добрых теток вызвался завтра же перешить за бутылку вина. Матросы советовали не слушать баб, а натянуть замоченные штанины на головку торпеды. У всех бойцов батальона клеши были просто фантастические. Похоже, главным достижением революции на флоте считалось право носить расширенные книзу штаны, что прежде было привилегией офицеров.

Спать его уложили в той же комнате, где ночевали знакомые братишки со «Славы». Впрочем, сон не шел — нервы расшалились от всех приключений, вдобавок моряки ужасно храпели, да и портянки распространяли ароматы, не совместимые с быстрым погружением в объятия Морфея. Роман

долго ворочался на грязном полу, подстелив какие-то плакаты и положив под голову стопку книг.

Итоги первого дня в прошлом как будто обнадеживали. Его пока не разоблачили, не поймали на деталях и даже не пристрелили шальной пулей. Авантюра, в которую ввязался Роман, протекала в приблизительном совпадении с безумными планами некомпетентных предводителей. Он даже попал в тот самый батальон, который завтра отправится в Ставку. А ведь сначала рассчитывал просто записаться в матросы, получить обмундирование и сбежать в Питер. Ничего такого делать не пришлось — до сих пор ему везло, но везение никогда не бывает слишком долгим.

Заснул он только под утро, но вскоре был разбужен. Батальон уходил в столицу революционной державы.

Возле колоннады перед Смольным стояли пушки — короткоствольные полковые трехдюймовки. В интервалах между орудиями расположились пулеметчики с «максимами». По мраморным ступеням крыльца текли потоки входящих и выходящих, военных и гражданских. Петров переговаривал с красногвардейцами, и колонна 7-го батальона нестройно двинулась по аллее между рядами потерявших листву деревьев роскошного парка. Среди голых древесных стволов бродили лошади и вооруженные люди, горели костры, стояли без присмотра орудийные упряжки, снарядные повозки, полевые кухни и даже броневики.

Матросы 7-го батальона были злы и недовольны — подняли спозаранок, не накормили толком, а теперь заставляют ходить под дождем. Многие роптали, угрожая вернуться в экипаж. Напоминания о долге и битвах с буржуазной контррой помогали, но лишь на самое короткое время, после чего колонна по три снова принималась ворчать.

Поговорив с братишками, Роман удостоверился, что большевиков среди них немного. Многие были сторонниками левых эсеров и анархистов, а большинство и вовсе не имело твердых убеждений. Кроме полусотни моряков со «Славы» в батальоне состояли матросы разных учебных и вспомогательных судов. Складывалось впечатление, что корабельные

командиры направили в «морскую пехоту» злостных нарушителей дисциплины, чтобы не мутили в экипажах.

Когда прошли примерно полпути, Рома решил наметнуть командиру и комиссару: дескать, строевая подготовка — она, конечно, пережиток проклятого царизма, но не должно воинское подразделение плестись, подобно толпе пьяных бурлаков. Здоровенный и всегда мрачный Назар Селютин обиделся на «бурлаков», но признал, что никакой дисциплины нет ни в батальоне, ни в помине. Обрадовавшись поддержке авторитетного моряка, Роман осведомился, разбит ли батальон на роты и взводы. Петров только выругался и признался: мол, указаний не было, а сами недодумались.

— Верно говоришь: срам, а не гвардия революции, — согласился комиссар Рысаков и озабоченно предположил: — Не пустят нас в Совет.

— Не пустят, это факт, — добавив виртуозно-матерные связки слов, не стал спорить командир Петров и, повернувшись к строю, рявкнул: — Батальон, стой, на месте, два-ать, вашу мать. Вольно. Приказываю спрятаться под деревьями, оправиться и выпить, у кого есть, но чтобы честно с товарищами поделились. Мы с комиссаром прошвырнемся насчет боевых задач и харчей выяснить. За старшего Назар остается. Шабельников, с нами пойдешь.

Подбежав к командиру, Роман попросился с ними, намекнув: дескать, надо для пользы дела со знакомыми людьми переговорить. Пожав плечами, Ефим ничего не возразил, только ручищей махнул. Так и пошли дальше вчетвером, а тиниственный Шабельников оказался Батей.

Добравшись до конца аллеи, они завертели головами, не зная, в которое здание им нужно зайти. Комиссар произнес растерянно:

— И к кому там обратиться тоже навроде как непонятно. Кто у нас за главного — Дыбенко или Крыленко?

— В комитете по военным и морским делам было три председателя, — объяснил Роман. — Крыленко, Дыбенко и Антонов-Овсеенко. Как я слышал, Крыленко назначен Верховным Главнокомандующим, Дыбенко то ли уже назначен, то ли со дня на день будет назначен наркомом по морским

делах. В Ставку поедет Крыленко, поэтому надо к нему заглянуть.

Обсудив его ценные подсказки, решили навестить Пашку Дыбенко — все-таки свой брат-моряк. Поспрашивав у встречных, зашли в нужный дворец, поднялись по широкой лестнице, на каждой площадке которой стоял пулемет, нацеленный в сторону входа.

На верхнем этаже Петров и Рысаков протолкались через толпу в кабинет главкома Крыленко, Батя пристроился в уголке у стенки, а Роман принялся за поиски нужных ему людей. Заглянув поочередно во многие комнаты, он обнаружил отдаленно знакомое лицо.

Народный комиссар по делам национальностей был не слишком похож на свои фотографии.

ГЛАВА 3 Эшелон ужаса

Нарком разговаривал с людьми, чьих имен и лиц история не сохранила. Подойдя поближе к окну, Роман понял, что обсуждается положение в Крыму, Закавказье и на Северном Кавказе. Все верно — опасные места. Скоро там полыхнет так, что мало не покажется.

Отпустив сотрудников, нарком вопросительно посмотрел на незнакомого верзилу в морской форме под расстегнутым полушубком.

— Вы ко мне, товарищ?

Знакомый по кинохроникам голос вернул Романа в незнакомую реальность.

— Разрешите высказать некоторые соображения. Вопрос важный. Не для наркомнаца, но для члена ЦК.

На худом, покрытом оспинами лице мелькнула гримаса недоумения. Подергав усом, нарком раскурил трубку, присел на край заваленного бумагами стола и произнес доброжелательно:

— Садитесь, товарищ, представьтесь и постарайтесь изложить свой вопрос быстро и четко.

— Ничего, я пешком постою, — подражая грузинским идиомам, пошутил Роман, одновременно показывая члену

правления свою матросскую книжку. — Я в морском батальоне вроде агитатора, подразделение сейчас устроило привал в парке перед Смольным и готовится к марш-броску на Ставку.

— Поторопитесь, эшелоны вечером начнем отправлять. — Нарком попыхтел, наполнив комнату густым махорочным дымом. — Вы большевик?

— Сочувствующий, товарищ Сталин. Работы товарища Ульянова читал, Маркса и Энгельса тоже, ваш «Марксизм и национальный вопрос». Полностью поддерживаю большевистскую платформу. Правда, «Капитал» не осилил, но готов бить буржуев до полной победы мировой революции.

— Прекрасно... ну вы продолжайте.

— Товарищ Сталин, в частях, которые отправляются на захват Ставки, слишком много анархического элемента. Многие матросы натерпелись от офицеров за годы службы и готовы без разбору стрелять и бить штыками каждого, на ком увидят погоны. Крыленко не сможет удержать эту стихию, да и сам он офицеров ненавидит.

Он постарался объяснить, что новые убийства, повторяющие вакханалию послефевральского кошмара, напугают и озлобят офицерство, немалая часть которого не питает ненависти к новой власти. Как следствие, военная каста сплотится вокруг реакционных авантюристов типа Корнилова, Алексева и Краснова, начнется гражданская война, неизбежно взбунтуются национал-сепаратисты, чехословацкий корпус и польский легион, перейдут в наступление немцы и турки, а жалкие ошметки разложившейся царской армии не способны даже защищаться.

— Центральный комитет и Совнарком видят эту опасность, — сухо сказал Сталин. — Что вы предлагаете?

— Будет лучше, если в Могилев вместе с главкомом Крыленко поедет авторитетный партийный руководитель. Спокойный и рассудительный товарищ, способный контролировать эсеров-анархическую толпу. — Роман криво усмехнулся. — Как я понимаю, для этого недостаточно ораторских способностей, нужен надежный отряд красногвардейцев...

Он осекся под тяжелым взглядом будущего диктатора. Поигрывая погасшей трубкой, Сталин пристально рассматривал непрошеного советчика, затем спросил, медленно и

четко, словно русский язык давался ему с усилием, выговаривая слова:

— Значит, вы, товарищ Мамаев, не верите в революционную сознательность? — Он понимающе улыбнулся. — Я могу понять вашу тревогу. Лучшие кадры моряков Кронштадта уже отправились на разные фронты, хотя гражданская война еще не началась. Кого же мы имеем сейчас в Кронштадте? Мы имеем тех моряков, которые не слишком рвались сражаться за революцию. Мы имеем сейчас в Кронштадте разбойно-анархический элемент, который предпочитает убивать и грабить, но не сражаться за свободу трудового народа. К сожалению, мы уже вычерпали из Кронштадта лучшую часть человеческого материала, и оставшийся материал может представлять опасность для революции. Я правильно понял ваш первый вопрос — вопрос о ненадежности некоторых матросских и солдатских отрядов?

Энергично кивая, Роман подумал, что нарком сформулировал эти выводы не в последнюю минуту и вовсе не с его подсказки. Наверняка некоторые дальновидные прагматики из большевистской верхушки сами сообразили, какого джина выпускают из ящика Пандоры. Бессмысленно-беспощадный бунт прольет немало крови, прежде чем образуются опьяненные призраком свободы миллионные толпы.

— Именно так, товарищ Сталин. Совершенно точный анализ политической ситуации. Причем анархо-бандитский элемент будет убивать и грабить, прикрываясь ультрареволюционными лозунгами. А если власть проявит твердость и попытается навести дисциплину, в ответ раздастся вой: дескать, большевики предали революцию, душат свободу, а потому даешь Советы без коммунистов.

Нарком неожиданно развеселился и сказал, посмеиваясь:

— Вы интересно выражаетесь, товарищ Мамаев. Ультрареволюционный... где вы нахватались таких словечек... — Он покачивал головой, но лицо уже было серьезным. — Вдобавок изрекаете пророчества, как дельфийский оракул.

— Намекаете, что меня ждет судьба Кассандры? — Через двадцать лет никто Сталину такого сказать не посмеет, но сегодня можно было рискнуть. — Не забывайте, что сама Кассандра пострадала меньше, нежели те, кто не верил ее предсказаниям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Мирный патриархальный город	5
<i>Глава 2.</i> Морская гвардия великой революции	20
<i>Глава 3.</i> Эшелон ужаса	34
<i>Глава 4.</i> Минимальное необходимое воздействие	50
<i>Глава 5.</i> Обломахтунг	63
<i>Глава 6.</i> Сражение в пространстве и времени	80
<i>Глава 7.</i> Ни мира, ни войны	93
<i>Глава 8.</i> Враг наступает	109
<i>Глава 9.</i> Гнездо контрреволюции	121
<i>Глава 10.</i> Путешествие из Москвы в Петербург	140
<i>Глава 11.</i> Масштабная хронокоррекция	152
<i>Глава 12.</i> Упругое коварство	165
<i>Глава 13.</i> Привязка к объекту	179
<i>Глава 14.</i> Так много знакомых имен и лиц	196
<i>Глава 15.</i> Первые залпы другой войны	209
<i>Глава 16.</i> Долгая дорога в сопках	225
<i>Глава 17.</i> Кровавый прибой	239
<i>Глава 18.</i> Сломанная реальность	253
<i>Глава 19.</i> На незнакомой войне	264
<i>Глава 20.</i> Те, кто вернулись	275
<i>Глава 21.</i> Принцип терпит неудачу	287
<i>Глава 22.</i> Кровавые болота	302
<i>Глава 23.</i> Битва стальных чудовищ	317
<i>Глава 24.</i> Невозможная встреча	332